Гуд бай, литература!

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Гуд бай, литература! ГУД БАЙ, ЛИТЕРАТУРА

Как известно, никакого литературного процесса не существует. Да и сама литература все более умаляется, сжимается до размеров бантустана в дальнем углу социального ландшафта. Это началось давно, однако уходящий год стал кульминационным для этой истории.

• СМЕРТЕЛЬНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Не нужно далеко ходить для понимания, что дела неладны. Откроешь утром Фейсбук, а там пост известного российского фантаста Олега Дивова, начинающийся словами: «Печальное, конечно, зрелище: борьба с коронавирусом доломала систему книжной торговли, которая должна была тихо загибаться еще лет пять минимум, а то и десять…»
А ниже под тысячу лайков и комментариев.
Подобным образом коронавирус действует на нездоровых людей – включает и быстро убивает человека посредством хронического заболевания, с которым человек мог бы жить и жить.
Ну вот, скажет на это честный оптимист или хитрый литературный делец, нашлись очередные могильщики. Литературу вон сколько лет хоронят, а ей хоть бы что. Чувствует себя прекрасно, прирастает, пополняется.
Что, так-таки прекрасно?
Не замечать смертельной болезни литературы искренне, или же обманывать себя, может либо тот, кто положил свою жизнь «на алтарь служения», либо карьерист, вождь литературной группировки, бенефициар (символический и не только) так называемого литературного Олимпа. Тут рассуждение известное: если литературы нет, то какой же я после этого литературный капитан?
В 2006 году критик Александр Агеев писал «Последние лет

пятнадцать были для русской литературы эпохой жестокого кризиса – не столько эстетического и мировоззренческого, сколько статусного: потеря массового читателя, хаос в книгоиздательстве и книгораспространении, перемена ценностных ориентиров когда-то чрезмерно широкой, а тут вдруг катастрофически съежившейся аудитории. Атмосфера провоцировала людей, жизненно связанных с литературой, на скепсис и малодушие: да, готовы были признать многие, литература теперь никому не нужна, и все мы, зачем-то продолжающие ею заниматься, необратимо превращаемся в маргиналов и чудаков».
За очередные 15 лет не изменилось ничего, только усугубилось. И если в процитированном рассуждении Агеева прочитывается явственное «но» – мол, все нехорошо, «но несмотря на это…» и т. п., то теперь-то и «но» неоткуда взяться.
Безусловно, весь 2020 год выходили книги (пусть и в меньшем количестве, чем раньше). Писались стихи и проза (и прозостихи, и стихопроза и чего только еще не писалось). Издавались журналы. Раздавались премии (тут все без убытка). Кипели дискуссии (а этого стало даже больше). Дискуссии, литературные дебаты всех мастей и уровней – все отлично. Авторы этой статьи и сами не раз участвовали в таких, стояли за правое дело, бились от души.
Однако, как забыть написанное некогда (в восемнадцатом веке) легендарным Иваном Барковым по схожему поводу:

С своей Гомерка балалайкой
И ты, Вергилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной.

Да, в отличии от литературы, наше писательское сообщество чувствует себя великолепно. Как мы показали в цикле статей в начале года, для бодрости, энергичности, позитива никакая литература писательскому сообществу не нужна. Как и читательская аудитория, например. Термин «карго-культ» – чисто формальное, бессмысленное по сути воспроизведение механизмов и ритуалов – в этом году, кажется, стал самым популярным

обозначением образа деятельности нашей социальной группы.

• ИНДИКАТОРЫ ПАДЕНИЯ

Итак, уход литературы продолжается давно. Нынешний год только последовал совету известного филолога и «падающего толкнул». В тяжёлом кризисе оказалась последняя инстанция, связывающая литературу с социальной реальностью – книгоиздание и книжная торговля. Как пишет агентство Finam, изучавшее вопрос, «По данным Российского книжного союза в 2020 году убытки издателей составят более 15 миллиардов рублей. Из-за закрытия книжных магазинов в марте и апреле убытки продавцов составили 3,6 млрд рублей. По данным книгоиздателей, которые приводит ТАСС, 82% издательств полностью перестали выпускать книги в апреле-мае. В свою очередь, 43% отказались выпускать книги, запланированные на 2020 год. В мае представители Российского книжного союза расценивали ситуацию как «катастрофическую».
Возможно, киты книгоиздания и книготорговли ситуацию намеренно драматизируют, но тут дело в тенденции – к дальнейшему обнищанию авторов, к сворачиванию широкомасштабных литературно-издательских проектов. Выживут небольшие издательства, небольшие специализированные магазины, даже в провинции. То есть писательское сообщество «внутри себя» пострадает, но не очень (богачей тут и так единицы). Но из-за торжества локального, социальный масштаб литературы в очередной раз уменьшится.
Конечно, можно говорить о том, что стало выпускаться больше электронных книг, в том числе крупными издательствами, чего раньше в таком масштабе не наблюдалось. Что платные мобильные приложения для чтения и онлайн-библиотеки, скорее всего, получат выгоду (как это очевидно в отношении онлайн-кинотеатров). Но писателям радоваться торжеству «электронного чтения» это все равно что киношникам в 60-х было радоваться торжеству телевидения. Телевидение (в широком смысле) со временем практически погубило масштабное кинопроизводство (из недавнего вспомним хотя бы торжество сериалов). Сериал – это не кинофильм, хоть и похож на него. Электронное чтение – не

друг, а соперник традиционной письменной культуре. На базе которой и возникла некогда литература как мощный социальный институт.
Возникла, а теперь исчезает.

• НАЗАД К БАРКОВУ

В период своего расцвета литература, как социальный институт, имела важнейшую функцию – кодификацию не только культурных, но и социальных смыслов. Или, как писали Лев Гудков и Борис Дубин в своей работе «Литература как социальный институт», «Литература определяется… как социальный институт, основное функциональное значение которого… в поддержании культурной идентичности общества (соответственно, в фиксации функционально специализированных форм и механизмов личностной, а тем самым и социальной идентичности)».
Очевидно, таким социальным институтом литература не будет уже никогда. Разве что – его осколком – в школьном преподавании. Да и то, судя по происходящему и готовящемуся в нашем среднем образовании, вряд ли. Но, монументальные ряды Онегиных-Болконских в качестве образцов для «механизмов личностей» и не менее монументальные ряды их защитниц-учительниц еще продержатся.
В социальном смысле литература возвращается к давно пройдённым рубежам. Например, ко временам Вольтера или упомянутого Баркова, когда, как пишут Гудков и Дубин, литература имела смысл «1) сообщества «истинных» писателей, мир образованных и «достойных» и 2) письменной культуры, определяющей членство и поведение в этой «закрытой» группе избранных. «Литературе» в этих значениях противопоставлялась «публика». Тем самым очерчивались границы (социального) сообщества, причем понятие «литература» выступало символом коллективной идентичности группы, указывающей в семантике понятия на основание собственной авторитетности».
То есть, литература не мощная социальная сила, краеугольный социальный механизм – а почтенное, мелкое занятие «своих» и «для своих». Ровно это сейчас и происходит?

А книжные бизнесмены не пропадут. По данным агентства Finam, “После пандемии резко выросли продажи книг финансовой и инвестиционной тематики. Среди них: «Разумный инвестор» Бенджамина Грема, «Сам себе финансист» Анастасии Тарасовой и «Правила инвестирования Уоррена Баффета» Джереми Миллера. Все они вошли в разряд супербестселлеров». Можно добавить сюда, например, и многотысячные тиражи руководств по сдаче ЕГЭ. По сути, книжный бизнес отчуждается от художественной литературы, да и литературы вообще, впервые за несколько веков. Историческое событие! Мы должны признать это, иначе нам придется расширять рамки, признавать литературой и правила инвестирования, и тексты Моргенштерна, и сценарии сериалов, да и инструкцию к унитазу – все, что имеет отношение к тексту.

Впрочем, бывало в истории и нечто подобное. Сошлемся снова на работу Гудкова и Дубина: «на ранних стадиях, вплоть до XVIII в., понятие «литература» не содержало явного признака «эстетического», «художественного» или «искусственного». Доминирующими в представлениях о литературе были коммуникативные, а не содержательные элементы…. (Оттенки этого значения еще сохраняются в сравнительно позднем словосочетании – «литература и искусство».). То есть некогда «литература» была комплексом любых текстов, совсем не обязательно относящихся к «изящной словесности».

Очень может быть. Уходящий год подтолкнул нас к такой развязке. И перенесение центра тяжести в среду электронных коммуникаций – несомненно, признак социального обесценивания литературы.

Но что же делать, как выживать в этих условиях? Да так же, как и раньше. Делать вид, что ничего с литературой не происходит. Искать свой профит на литературных развалинах или же самозабвенно творить для Вечности. Edebi makalalar